

УДК 89.02

И. А. Либина

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.18

Пространство живых и мертвых сквозь призму индивидуальной памяти в романе Веслава Мысливского «Трактат о лущении фасоли»

Либина Ирина Александровна

Магистрант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1-51, Москва, Российская Федерация

E-mail: falsh746@mail.ru

ORCID: 0009-0008-8276-8211

Цитирование:

Либина И. А. Пространство живых и мертвых сквозь призму индивидуальной памяти в романе Веслава Мысливского «Трактат о лущении фасоли» // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 340–350.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.18

Статья поступила в редакцию 05.08.2025.

Рецензирование завершено 15.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В статье анализируется роман современного польского писателя Веслава Мысливского, дебютировавшего в литературе послевоенного периода как представитель деревенской прозы. Книга посвящена судьбе человека, чей жизненный путь опосредован событиями большой Истории, которые становятся катализатором процесса изменчивости и распада не только материальной реальности, но и духовной. Предметом анализа является художественное пространство, рассмотренное в контексте ключевых для поэтики Мысливского антиномий: живые / мертвые, сон / явь. Роман написан от первого лица и представлен в виде «устного монолога», полифоническое звучание которого обусловлено делегированием роли повествователя. Рамочная композиция и характер выбранной автором нарративной стратегии формируют в романе пространство длящегося повествования, основу которого составляют ключевые для художественного мировоззрения Мысливского категории слова, памяти и воображения. Течение времени в романе циклично и организовано по принципу работы механизмов автобиографической памяти. Анализируются особенности

системы лейтмотивов, среди которых структурообразующей функцией в пространстве живых и мертвых наделены мотивы света, слова и ритуала. Основной способ перемещения нарратора между уровнями художественного пространства реализован в сюжете преодоления границы противоположных экзистенциальных состояний человеческого бытия.

Ключевые слова

Память, воображение, слово, диалог, пространство, ритуал, трансгрессия.

Веслав Мысливский (1932–2026) – польский прозаик и драматург второй половины XX в., чье творчество в филологическом дискурсе принято анализировать в двух направлениях: как литературу, ориентированную на изображение топоса деревни, что позволяет ей примыкать к соответствующему течению («*nurt chłopski*», «деревенская проза»), и литературу, содержанием которой становятся проблемы экзистенциального характера. Обращаясь к сельской культуре и воспоминаниям детства, проведенного в деревне, Мысливский выделяет три принципиально важные для своего художественного мировоззрения категории: слово, наделенное в контексте устной речи созидательным потенциалом и противопоставленное в системе бинарных оппозиций автора литературному «искусственному» языку; память как подлинное пространство человеческой экзистенции во времена духовного сиротства и массовой миграции, интенсифицировавшей феномен номадизма; и воображение, отвечающее за организацию и субъективизацию человеческих воспоминаний. Триединство слова, памяти и воображения становится в «Трактате о лущении фасоли» (2006) ключевым элементом поэтики и формирует пространство, в котором тесно переплетены между собой различные уровни человеческого бытия.

«Трактат о лущении фасоли» – философский роман с элементами притчи о судьбе отдельного человека, которая благодаря историческому контексту и универсальному звучанию трагедии главного героя, являющегося, согласно автору, «типичным представителем своего времени»¹, становится аллюзией на судьбу общечеловеческого масштаба. Чувство онтологической неуверенности, свойственное тем, кто оказался в жерновах большой Истории, отражено в пограничном

1 *Gruszka D.* Wiesław Myśliwski. W środku jesteśmy baśnią. Kraków, 2022. S. 264.

экзистенциальном состоянии героя, его одновременной принадлежности к миру живых и мертвых: «Я, видите ли, всегда жил на границе бытия и небытия. И даже когда мне казалось, что я существую, я словно бы жил мимолетно, временно» (589)². По словам П. Билоса, «все романы [Мысливского. – И. Л.] построены вокруг композиционных осей, смысл которых сводится к жесту оборонительного характера, направленного против распада того, что можно было бы назвать живой, пульсирующей памятью»³. Забвению и конечности человеческого бытия, согласно Б. Каневской, в произведениях Мысливского противостоит цикличная модель времени: «Цикличность содержит в себе противоядие от случайности судьбы и отсылает к священному порядку, божественной гармонии»⁴. В «Трактате о лущении фасоли» цикличность реализуется в процессе дпящегося повествования, условием для возникновения которого является перенесенный из личной биографии автора деревенский обряд лущения фасоли, а организующей силой – воображение: «Лущение фасоли – лишь скромный, метафоричный предлог для того, чтобы рассказ состоялся [...]. Лущение фасоли было занятием механическим, однако высвобождало некую энергию, которая порождает не только потребность поделиться пережитым, но и желание фантазировать [...]. Помню необычайный драматизм рассказываемых историй, в которых [...] стиралась граница между реальным, правдоподобным и фантастическим. Все смешивалось между собой»⁵. Специфика центрального образа в произведении оказала влияние на выбор нарративной стратегии: «Трактат о лущении фасоли» представляет собой роман-монолог, организованный по принципу полифонии. Элемент цикличности предопределен здесь на уровне композиции, связанной с нелинейным типом повествования, который, в свою очередь, обусловлен механизмами работы памяти, возвращением нарратора к ранее оставленным темам, разработанной системой лейтмотивов. Рассказ главного героя включает в себя элементы приватной биографии случайно встреченных им людей, которые наделяются правом ведущего голоса на разных этапах повествования.

² Мысливский В. Трактат о лущении фасоли. М., 2022. Здесь и далее в круглых скобках страницы указаны по данному изданию.

³ Bilos P. Przestrzeń jest przed nami. Wiesław Myśliwski. Z żywiołami na przekór systemom URL: <https://tworczość.com.pl/artukul/przeszłość-jest-przed-nami-wiesław-myśliwski-z-żywiołami-na-przekór-systemom/> (дата обращения: 03.08.2025).

⁴ Kaniewska B. Opowiedziane. O prozie Wiesława Myśliwskiego. Poznań, 2013. S. 75.

⁵ Gruszka D. Wiesław Myśliwski. W środku jesteśmy baśnią. S. 264.

Композиционную основу романа составляет мотив встречи, который, в контексте представлений Мысливского о судьбе, осознанной вне категорий античного мифа как процесс самостоятельной интерпретации переживаемого опыта и его последующей нарративизации, наделен сюжетообразующей функцией. Действие разворачивается в сельской местности, на берегу неизвестного водохранилища, где около леса расположены дачные участки городских жителей. Однажды поздней осенью к герою, выполняющему обязанности местного зрителя, приезжает купить фасоль таинственный гость. Поскольку в доме остались только неочищенные стручки, оба принимаются за лущение фасоли, в процессе которого завязывается разговор, оформленный в тексте романа как «устный монолог», т. е., по определению М. Гловиньского, повествование, обращенное к другому лицу и подтверждающее наличие обратной реакции: «Вы фасоль купить пришли? У меня? Так ведь фасоль в любом магазине найти можно [...]. У вас есть собака? Надо завести» (5). Монолог безымянного героя в условиях реального времени повествования равен одной ночи, вошедшие в него события прошлого – охватывают всю жизнь. Границы между внешней рамочной конструкцией, заданной событием встречи, и внутренним пространством памяти отличаются своей подвижностью и проницаемостью, что обусловлено, во-первых, постоянной сменой точки зрения «временного» повествователя, во-вторых, представлением о синкретичности мироздания, сформировавшимся под влиянием крестьянской культуры: «Повседневная жизнь в деревне происходила в контексте макрокосмоса [...]. Все вокруг являлось одновременно эмпирическим и духовным»⁶. Размытость границ в художественном пространстве романа поддержана на уровне темпоральной системы, релятивность которой отражена в образе собеседника нарратора: «Когда вы вошли, мне показалось – мы ровесники. Может, потому, что вы были в пальто, в шляпе. А теперь вроде кажется гораздо моложе. Или, наоборот, старше? Сам не знаю» (413).

Цикличность архаической модели времени, заданная в романе ритмом сменяющихся поколений и особенностями сельскохозяйственного календаря, отражена в обряде лущения фасоли, являющемся, согласно авторской интерпретации, «ритуалом коллективной речи»⁷, в котором участвовали все члены семьи вне зависимости

6 Siedlecki M. Myśliwski metafizyczny. Rozważania o Widnokregu i Traktatu o łuskaniu fasoli. Białystok, 2015. S. 68.

7 Gruszka D. Wiesław Myśliwski. W środku jesteście baśnią. S. 259.

от своего возраста: «А как же, мы, дети, тоже лущили. Сызмальства. Еще кастрюлю не знали, как ухватить, а нас уже приучали фасоль лущить» (49). Особую торжественность обряду, приобретающему благодаря символике слова черты акта творения, сообщает развернутое описание зажжения керосиновой лампы, которое включает в себя размышления нарратора о природе света и его классификацию: «Есть свет живой и свет мертвый. Такой, что только светит, и такой, который помнит [...]. Иной светит вроде бы ярче всех, а слеп. Бывает такой, что едва тлеет, а прозревает жизнь до самого горизонта [...]. Для него нет границ, времени, пространства. Он в силах воскресить даже самую давнюю память» (45). Подчеркнуто ритуализирован и согласован с календарным циклом быт главного героя в роли зрителя дачных домиков: так, например, каждый год он забирает из близлежащего леса могильные таблички, чтобы обновить стирающиеся на них с течением времени надписи. Образ нарратора и его направленная на поддержание порядка деятельность, повторяемая им в определенные часы, дни, месяцы и, таким образом, локализованная во времени, являются единственной памятью о том, что когда-то на этом месте была деревня, сожженная в ходе карательной операции против местного населения. В статье, посвященной анализу романа Мысливского «Горизонт» (1996), П. Чаплинский называет эту книгу польского писателя эпопеей «возвращения нарратора к месту, которое его выбрало и определило его судьбу»⁸. Место, в которое герой «Трактата о лущении фасоли» возвращается на исходе своего жизненного пути, утратило значение родины как на уровне духовном (исчезновение крестьянской культуры), так и физическом (уничтожение целой деревни). В изменившихся условиях герою-нарратору как единственному уцелевшему во время войны жителю разрушенной деревни отводится роль хранителя памяти, который благодаря воскрешающей силе слова через призму индивидуальной памяти воссоздает в процессе лущения фасоли мир, прекративший свое существование в реальном, географическом пространстве.

Лущение фасоли в романе Мысливского тождественно процессу созидания и обновления, происходящему под воздействием движущей силы слова, которое в крестьянской культуре «из предостережений, снов и фантазий возводило реальность, укрощало смерть»⁹. Для героя, который собственными глазами видел гибель

⁸ *Czapliński P.* Wzniosłe tęsknoty. Nostalgie w prozie lat 90-tych. Kraków, 2001. S. 57.

⁹ *Gruszka D.* Wiesław Myśliwski. W środku jesteście baśnią. S. 84.

родной деревни, что спровоцировало у него временную немому (равную в поэтике Мысливского смерти) и погрузило в состояние непрекращающихся сомнений относительно своего существования («вне игры [на саксофоне. – И. Л.] меня словно не существовало. Кто знает, может, я действительно не существовал» (561)), единственным подтверждением человеческого бытия становится обряд лущения фасоли и инициированный им процесс коммуникации: «Вот, фасоль лущим, значит, существуем» (557). Речь в контексте произведений Мысливского рассматривается И. Сварковской как деятельность онтологического характера: «Человек – творец мира, которым является культура, ее способ существования – язык, данный нам в диалоге»¹⁰. Форма диалога выступает в качестве обязательного условия для одухотворения действия, которое само по себе является механическим: «То, что мы видим друг друга, видим, как мы лущим фасоль, ни о чем не говорит [...]. Лишь наше представление друг о друге придает смысл нашему лущению фасоли [...], только эти представления есть реальность» (369). Чтобы пережить событие лущения как неоспоримый факт человеческого бытия, необходимо его нарративизировать, вступить в отношения диалога с «другим», поскольку никто самостоятельно «не может очертить свои границы или определить себя как себя [...], нам постоянно приходится спрашивать» (369).

Пространство в «Трактате о лущении фасоли», вопреки имманентному крестьянской ментальности представлению о земле как вечном месте, которое связывает между собой поколения, является категорией неустойчивой: «...как вам удалось сохранить веру в то, что есть еще на свете такие вечные места? [...] разве вы не знали, что места любят нас обманывать?» (8). Действительно, в реалиях XX столетия, когда дом, по словам немецкого философа Теодора Адорно, становится пережитком прошлого («Все, что можно сделать с домом, – это отправить его на свалку, точно консервную банку с истекшим сроком годности»¹¹), внешний мир оказывается иллюзией, жизнь уподобляется сну: «Все мы спим в определенном ритме, подобно тому как в определенном ритме живем. Невозможно отделить сон от жизни» (500). Онирическое пространство в романе Мысливского тесно переплетается с призрачной реальностью будней послевоенной

¹⁰ Swarowaka I. O łuskaniu fasoli i wszystkich sprawach ludzkich // Akcent. 2006. № 106. S. 130.

¹¹ Цит. по: Сауд Э. Б. Мысли об изгнании. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2003/1/mysli-ob-izgnanii.html> (дата обращения: 03.08.2025).

Польши, изображение которой уступает миру сновидений в детализации и богатстве сенсуальных образов: во сне главный герой ощущает босыми ногами «резкий холод, словно трава только оттаяла после ночных заморозков» (543); «влажный, прохладный вкус тумана»; осенний, холодный воздух, который «щиплет щеки [...] как зимой, в мороз» (104). Географическое пространство дачных участков противопоставлено в романе пространству из воспоминаний детства, которое было обречено на метаморфозы, воспроизведенные в глобальных масштабах в реальности не только материальной, но и чувственной: «Даже это солнце словно бы изменилось с тех пор, когда оно ежедневно заходило за видневшиеся вдали холмы [...]. От лесов вроде бы тянуло смолой, но и этой смоле я почему-то не верил. Ее запах показался мне сладковатым, пресным, словно бы недостаточно горьким. А ведь когда-то даже в носу свербело, слезы из глаз текли» (68). Трансформации в облике места из воспоминаний определили специфику модели возвращения. Согласно В. Лигензе, ее реализация возможна только во «внутреннем пространстве» человека¹², который, по словам Мысливского, сам для себя является «последним местом» (528): «Но эти деревья росли только в моих глазах, потому что, глядя вокруг, я смотрел вглубь себя» (68). Перенесение смыслового акцента с мотива путешествия на созидательную деятельность главного героя позволяет Б. Каневской анализировать «Трактат о лущении фасоли» как роман-притчу «скорее о воссоздании пространства юности, обретение которого возможно не столько в реальности, сколько в нарративе»¹³. Таким образом, сюжет подлинного возвращения героя с точки зрения архитектоники романа воплощен в пространстве нарратива, в котором не действуют законы изменчивости, поскольку «только рассказанное является единственно возможной вечностью» (102).

При создании пространства нарратива Мысливский обращается к поэтике антиномии, позволяющей ему воплотить в тексте романа характерное для архаического мировоззрения представление о синкретичности бытия, которое, согласно убеждениям автора, «не делится на предметы живые и мертвые»: «Даже кладбище является живым. Даже мертвые – живы. Их присутствие ощущается не только в форме памяти»¹⁴. Онтологическая неуверенность героя, возникшая в результате

¹² *Ligeza W.* Monolog doświadczenia. (O powieści Wiesława Myśliwskiego „Traktat o łuskaniu fasoli”) // Акцент. 2006. № 106. С. 118–119.

¹³ *Kaniewska B.* Opowiedziane. O prozie Wiesława Myśliwskiego. С. 125.

¹⁴ *Gruszka D.* Wiesław Myśliwski. W środku jesteśmy baśnią. С. 194.

пережитой им психологической травмы, и деятельность, направленная на воскрешение памяти об усопших, сообщает пространству повествования черты пограничной территории, которая, согласно Е. Фарыно, носит «характер амбивалентного состояния двойного бытия»¹⁵. Слияние пространства живых и мертвых в романе осуществляется путем пересечения границы, происходящего в момент возвращения главного героя на родину, и в сцене встречи с таинственным гостем, которого «время оставило в покое» (413): «Кто мог бы ко мне прийти? Только кто-то из мертвых» (370). Обе сцены обнаруживают композиционный параллелизм со связующим компонентом повествования – сюжетом купли фасоли. Свет, для которого, по выражению нарратора, «нет границ, времени, пространства», «в силах воскресить даже самую давнюю память» (45). Он выступает в качестве проводника между миром живых и мертвых. Двигаясь в направлении света, главный герой «переступает порог внутри себя» и оказывается на пороге родного дома, где его погибшая во времена войны семья все еще продолжает лущить фасоль: «Я лишь на мгновение остановился перед дверью, потому что не знал, что сказать [...]. В конце концов я подумал, что лучше всего, если я войду и просто спрошу, не продают ли они фасоль» (47).

Пространства живых и мертвых в романе Мысливского свидетельствуют о характерном для представителя деревенской прозы убеждении в невозможности восприятия смерти вне контекста экзистенциального опыта. Смерть, как отмечает автор, «нельзя исключить из пространства жизни»¹⁶, поэтому главной особенностью художественного мира в «Трактате о лущении фасоли» становится если не абсолютное отсутствие границы между пространством реальным и потусторонним, то, по крайней мере, способность нарратора к ее преодолению. Феномен трансгрессии является основной моделью перемещения главного героя между уровнями художественного пространства, для конструирования которого Мысливский обращается к поэтике релятивизма и антиномии. Пространство живых и мертвых локализовано в пространстве нарратива, что подтверждает мысли, высказанные членами жюри премии «Нике» в отношении романа: «Пока человек рассказывает, он жив»¹⁷ – и свидетельствует о солидаризации польского писателя с философской концепцией М. Хайдеггера, согласно которой подлинным домом бытия является язык.

15 Фарыно Е. Введение в литературоведение. СПб., 2004. С. 356.

16 Gruszka D. Wiesław Myśliwski. W środku jesteśmy baśnią. S. 368.

17 Мысливский В. Трактат о лущении фасоли. Обложка.

Унаследованное от крестьянской культуры представление о созидающем и воскрешающем слове, памяти и воображении оформлено в художественном мировоззрении автора в систему лейтмотивов, среди которых структурообразующей функцией наделяются мотивы света, слова, осознанного в категориях диалога, и ритуала.

Источники и литература

Мысливский В. Трактат о лущении фасоли. М.: Текст, 2022. 588 с.

Саид Э. Б. Мысли об изгнании. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2003/1/mysli-ob-izgnanii.html> (дата обращения: 03.08.2025).

Фарыно Е. Введение в литературоведение. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 640 с.

Biłos P. Przestrzeń jest przed nami. Wiesław Myśliwski. Z żywiołami na przekór systemom. URL: <https://tworczosc.com.pl/artukul/przeszlosc-jest-przed-nami-wieslaw-mysliwski-z-zywiolami-na-przekor-systemom/> (дата обращения: 03.08.2025).

Czapliński P. Wzniosłe tęsknoty. Nostalgie w prozie lat 90-tych. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2001. 269 s.

Głowiński M. Gry powieściowe: szkice z teorii i historii form narracyjnych. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973. 348 s.

Gruszka D. Wiesław Myśliwski. W środku jesteście baśnią. Kraków: Znak, 2022. 516 s.

Kaniewska B. Opowiedziane. O prozie Wiesława Myśliwskiego. Poznań: Wydawnictwo Naukowe, 2013. 232 s.

Ligeza W. Monolog doświadczenia. O powieści Wiesława Myśliwskiego. Traktat o łuskaniu fasoli // Akcent. 2006. № 106. S. 117–128.

Siedlecki M. Myśliwski metafizyczny. Rozważania o Widnokręgu i Traktatu o łuskaniu fasoli. Białystok: Naukowy projekt wydawniczy – Seria „Przełomy / Pogranicza”, 2015. 414 s.

Swarowska I. O łuskaniu fasoli i wszystkich sprawach ludzkich // Akcent. 2006. № 106. S. 128–132.

References

Biłos, P. *Przestrzeń jest przed nami*. Wiesław Myśliwski. *Z żywiołami na przekór systemom*. URL: <https://tworczosc.com.pl/artukul/przeszlosc-jest-przed-nami-wieslaw-mysliwski-z-zywiolami-na-przekor-systemom/> (accessed: 03.08.2025).

- Czapliński, P. *Wzniosłe tęsknoty. Nostalgie w prozie lat 90-tych*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2001, 269 p.
- Faryno, J. *Vvedenie v literaturovedenie*. St Petersburg: RGPU im. A. I. Gercena, 2004, 640 p.
- Głowiński, M. *Gry powieściowe: szkice z teorii i historii form narracyjnych*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973, 348 p.
- Gruszka, D. *Wiesław Myśliwski. W środku jesteśmy baśnią*. Kraków: Znak, 2022, 516 p.
- Kaniewska, B. *Opowiedziane. O prozie Wiesława Myśliwskiego*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe, 2013, 232 p.
- Ligęza, W. "Monolog doświadczenia. O powieści Wiesława Myśliwskiego Traktat o łuskaniu fasoli." *Akcent*, 2006, no 106, pp. 117–128.
- Myśliwski, W. *Traktat o lushchenii fasoli*. Moscow: Tekst, 2022, 588 p.
- Said, E. B. *Mysli ob izgnanii*. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2003/1/mysli-ob-izgnanii.html> (accessed: 03.08.2025).
- Siedlecki, M. *Myśliwski metafizyczny. Rozważania o Widnokregu i Traktatu o łuskaniu fasoli*. Białystok: Naukowy projekt wydawniczy – Seria "Przełomy / Pogranicza", 2015, 414 p.
- Swarowaka, I. "O łuskaniu fasoli i wszystkich sprawach ludzkich." *Akcent*, 2006, no 106, pp. 128–132.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.18

I. A. Libina

**The Space of the Living and the Dead through the Prism
of Individual Memory
in *A Treatise on Shelling Beans* by Wiesław Myśliwski**

Irina A. Libina

Student

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie Gory 1-51, Moscow, Russian Federation

E-mail: falsh746@mail.ru

ORCID: 0009-0008-8276-8211

Citation

Libina I. A. The Space of the Living and the Dead through the Prism of Individual Memory in *A Treatise on Shelling Beans* by Wiesław Myśliwski // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 340–350 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.18

Received: 05.08.2025.

Revised: 15.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

This paper analyzes the novel by the contemporary Polish writer Wiesław Myśliwski, who debuted in the post-war period as a representative of the peasant prose movement. The book follows the fate of a man whose life is shaped by major historical events that catalyze the transformation and disintegration of both material reality and the spiritual realm. The study focuses on the novel's artistic space, examined through the prism of the key antinomies that define Myśliwski's poetics: the living/the dead and dream/reality. Narrated in the first person, the text takes the form of an "oral monologue" whose polyphony arises from the delegation of the narrative voice. The framing composition and the author's narrative strategy create a domain of continuous storytelling grounded in categories central to Myśliwski's artistic worldview: the word, memory, and imagination. Time in the novel is cyclical, structured according to the workings of autobiographical memory. The article also investigates the system of leitmotifs, in which the motifs of light, the word, and ritual perform a structuring function within the realms of the living and the dead. The narrator's passage between the novel's various levels of artistic space is examined through a plotline that crosses the boundary between opposing existential states of the human being.

Keywords

Memory, imagination, word, dialog, space, ritual, transgression.